

Сиюань не похож на те элитные коттеджные поселки вроде Дунху. Это современная усадьба в китайском стиле. Машина въехала в главные ворота и долго петляла по территории, прежде чем остановиться перед массивными красными деревянными дверями с лаковой резьбой.

Поскольку о визите предупредили заранее, на крыльце уже ждали три-четыре человека.

Впереди всех стояла пожилая дама с седыми волосами, накинув на плечи парчовую шаль. Ее прическа была уложена безупречно, а в ушах поблескивали жемчужные серьги. Выглядела она невероятно элегантно.

Это была Фэн Цайцзяо, бабушка Чу Циньбая по материнской линии.

Как глава семьи Цинь, известной своими учеными традициями, она рано овдовела, а в старости потеряла дочь, но судьба не сломила ее. Единственного внука, Чу Циньбая, она практически вырастила сама, начиная с десятилетнего возраста, поэтому их связывали глубокие чувства.

Увидев, что он вышел из машины, она подошла ближе, взгляделась в его лицо и произнесла:

— Похудел.

Чу Циньбай обнял бабушку за плечи одной рукой и рассмеялся:

— Вы каждый раз говорите, что я похудел. Если бы я действительно так отощал, тетушка Чжан уже давно нажаловалась бы вам.

— И не говори. Уедешь в свои дремучие горы на съемки на несколько месяцев — там тебя днем с огнем не сыщешь, не то что пожаловаться, — она легонько хлопнула его по руке и добавила:
— Разве ты не говорил, что приедешь через пару дней? Почему решил приехать внезапно и не предупредил заранее?

— Случайность, — ответил Чу Циньбай.

До этого момента все внимание пожилой женщины было приковано к внуку. Но после этих слов она заметила человека, который с небольшой задержкой вышел с другой стороны машины.

Очков на ней не было, да и на улице уже стемнело, поэтому она неуверенно спросила:

— Это кто?

Чжоу Шэн обошел капот машины.

Следуя примеру Чу Циньбая, он поздоровался:

— Бабушка.

Старушка на мгновение замолчала.

Позади нее стояли пожилые слуги семьи Цинь, которые верно служили ей долгие годы. Услышав это обращение, они сразу поняли, кто перед ними, и атмосфера вокруг внезапно стала тяжелой.

Сама Фэн Цайцзяо тоже все поняла.

Она никогда раньше не видела Чжоу Шэна. Во-первых, Чу Циньбай не приводил его, а во-вторых, она сама не хотела его видеть.

Смерть дочери вскоре после замужества за Чу Цзяньсюном стала для нее незаживающей раной. Конфликт между отцом и сыном, долгие годы вражды, а теперь еще и этот брак, заключенный ради сведения счетов с семьей Чу...

Хотя она ничего не говорила вслух, в душе она была крайне разгневана.

Сердилась на Чу Цзяньсюна, но еще больше — на самого Чу Циньбая.

Злилась, что он унаследовал отцовскую жесткость и материнское упрямство, так легкомысленно распорядившись собственной судьбой.

Но она слишком хорошо знала ребенка, которого воспитала сама, чтобы долго на него сердиться. А раз помешать ему она не могла, то решила просто не встречаться — нет человека, нет проблемы.

Выражение лица бабушки заметно смягчилось.

Все же воспитание не позволяло ей выставить гостя за дверь. Она лишь оперлась на руку тетушки Ли и развернулась:

— Раз уж приехали, заходите.

Чжоу Шэн задержался позади.

Чу Циньбай дождался, пока он поравняется с ним, и, глядя в спину уходящей бабушке, тихо сказал:

— Она не против тебя.

Больше объяснений не последовало.

Чжоу Шэн покачал головой, давая понять, что не принял это на свой счет.

Они вошли в ворота Сиюаня один за другим.

Только теперь, когда они оказались рядом, тетушка Ли, которая подошла спросить, чего они хотят на ужин, невольно замерла.

Она подумала, что опасения бабушки были напрасны.

Вдвоем они смотрелись очень гармонично.

Тетушка Ли была рядом с хозяйкой еще с тех пор, как та была девушкой, поэтому иногда позволяла себе лишнее. Сейчас она обратилась к Чу Циньбаю, но при этом смотрела на Чжоу Шэна:

— Вы редко заглядываете, а Чжоу Шэн у нас впервые, так что сегодня вечером поужинайте с бабушкой как следует. Не смотрите, что у нее характер крутой — на самом деле она очень отходчивая.

Затем она перевела взгляд на Чу Циньбая:

— Особенно ты, Циньбай. Женился, а ведешь себя так несерьезно. Если бабушке было неприятно, нужно было привести человека раньше.

Чу Циньбай, получив нагоняй, ответил:

— Ну вот, теперь же познакомились.

Тетушка Ли укоризненно посмотрела на него:

— Что за бестактные слова? Услышит бабушка — снова тебя отчитает.

Теперь пришла очередь Чжоу Шэна чувствовать себя неловко.

Сам он не придавал этому значения, но после таких слов стало казаться, будто он специально приехал на смотрины к старшим.

Он слегка наклонился к Чу Циньбаю:

— Я без подарка.

Чу Циньбай бросил на него взгляд:

— Ни к чему это. Кто же заявляется в гости посреди ночи?

Чжоу Шэн часто не находил, что ему ответить.

Он подумал, что этот человек действительно не знает, что такое приличия.

Семья Чжоу сама происходила из интеллигентной среды, поэтому Чжоу Шэна не удивило обилие антиквариата и каллиграфии в доме семьи Цинь. Единственное, что его поразило — как в такой семье мог вырасти такой бунтарь, как Чу Циньбай. Это вызвало у него любопытство по отношению к остальным членам семьи Чу, с которыми он еще не был знаком.

Тетушка Ли и остальные ушли готовить ужин.

Чу Циньбай бездельничал в гостиной.

После того как бабушка подала фрукты, она посмотрела на тихо сидящего рядом Чжоу Шэна и, помедлив, поставила тарелку прямо перед ним.

Чжоу Шэн был слегка удивлен, поспешно протянул руку, чтобы помочь, и улыбнулся:

— Спасибо, бабушка.

Старушка замерла, поднялась и поправила шаль:

— Ешь больше. Этот гранат купили сегодня утром.

Чжоу Шэн, конечно, не стал отвергать доброту пожилой женщины.

Он взял крупный красный гранат и раскрыл его. Из вежливости, как только он достал зернышки, он протянул их в сторону:

— Будете?

Чу Циньбай посмотрел сначала на гранат, потом на его лицо:

— Не хочу.

Чжоу Шэн произнес короткое оу и убрал руку.

Стоявшая рядом бабушка, увидев эту сцену, сама не зная почему, смягчилась.

Затем она обратилась к Чу Циньбаю:

— Чего ты просто смотришь? Не будь чурбаном, помоги почистить.

Чу Циньбай, судя по всему, вел себя с бабушкой совсем иначе, чем с остальными.

Он протянул руку, чтобы взять гранат, но Чжоу Шэн отстранился.

Чу Циньбай:

— ...Что ты делаешь?

Чжоу Шэн опустил голову и начал аккуратно вынимать зернышки одно за другим, складывая их в тарелку на журнальном столике:

— Я сам.

Чу Циньбай наблюдал за его профилем и почему-то вспомнил, как тот тем утром отсчитывал таблетки.

Он спросил:

— У тебя какая-то страсть к мелким предметам?

Чжоу Шэн непонимающе посмотрел на него.

Чу Циньбай:

— Забудь, что я сказал.

Станный человек, подумал Чжоу Шэн.

Поскольку ужин был поздним, они поели совсем немного. После трапезы у бабушки была привычка писать или рисовать. В небольшой боковой гостиной уже стояли мольберт и рисовая бумага.

Чжоу Шэн давно не брал в руки кисть, но невольно подошел ближе.

Заметив его присутствие, бабушка ничего не сказала, и Чжоу Шэн молча остался стоять рядом.

Лишь когда картина с пионами была закончена, он произнес:

— Бабушка, в этой работе слои наложены мастерски, мазки изящны, а детали проработаны до мельчайших подробностей. Вы довели технику гунби до совершенства.

Бабушка с удивлением посмотрела на него:

— Я рисую уже несколько десятилетий. Твои слова не похожи на слова дилетанта. Учился?

— Не сказал бы, что учился, — улыбнулся Чжоу Шэн. — Так, немного умею.

Бабушка тут же уступила ему место, заинтересовавшись:

— Попробуй.

Чжоу Шэн не стал отказываться.

Несмотря на долгий перерыв, руки все помнили. Он начал набрасывать пейзаж. От простых

очертаний скал до четких линий — он постепенно входил в состояние потока и не замечал, как бабушка то и дело бросает на него взгляды. Он даже не заметил, что в комнате стало больше людей: тетушка Ли и остальные пришли поглазеть, а Чу Циньбай, неизвестно когда, прислонился к оконной раме.

Наконец, он нанес последний штрих.

В левом нижнем углу он поставил подпись — иероглиф Шэн в традиционном начертании.

Бабушка смотрела на картину и пробормотала:

— Достичь совершенства в гунби не так сложно, но вот эта сдержанность, умение сказать малым многое — это редкость. Точность линий, единство мысли и движения руки... Ты не просто немного умеешь, ты мастер.

Если честно, стаж Чжоу Шэна в живописи был немалым.

Однако он никогда не считал себя талантливым — в детстве его просто заставляла мать. Но в те годы, когда его никто не принуждал, он вдруг почувствовал, что рисовать стало даже легче, чем раньше.

Бабушка тут же взяла картину и впервые искренне улыбнулась:

— Мне очень нравится эта работа. Подаришь?

— Вы слишком добры, — Чжоу Шэн был польщен. — Если вам нравится, я только рад.

Тетушка Ли и другие не разбирались в живописи, но все знали, что сейчас работы Фэн Цайцзяо стоят целое состояние. Если она говорит, что вещь хорошая, значит, так оно и есть.

Тетушка Ли осторожно взяла картину и спросила:

— Повесить?

Бабушка огляделась:

— Повесьте в главной гостиной.

В главной гостиной дома Цинь висели только работы великих мастеров.

Чжоу Шэн, знающий толк в искусстве, счел это неуместным и попытался возразить:

— Бабушка, это не очень подходящее место.

— Почему же не подходящее? — Фэн Цайцзяо посмотрела на Чжоу Шэна со значением: — Картина лучше всего отражает суть человека. У тебя широкая душа, а такое сейчас редко

встретишь.

Чжоу Шэн впервые почувствовал неловкость, когда его так хвалили.

Он случайно перевел взгляд и встретился глазами с Чу Циньбаем, который все еще опирался на окно.

Увидев, что Чжоу Шэн смотрит на него, Чу Циньбай выпрямился и медленно подошел, засунув руки в карманы.

Он тоже взглянул на картину и бросил тетушке Ли:

— Вешайте, только осторожно.

Тетушка Ли отозвалась и вместе с помощниками унесла картину.

Чжоу Шэн отошел в сторону и спросил Чу Циньбая:

— Ты тоже рисуешь?

Фэн Цайцзяо тут же ответила:

— Не спрашивай его! Не говоря уже о китайской живописи, даже школьники рисуют лучше. В свободное время он лучше займется боями или дайвингом, чем посидит спокойно за столом хотя бы полчаса.

Чжоу Шэну стало смешно.

Чу Циньбай сохранял невозмутимый вид:

— Ну конечно, куда уж мне до вашей культуры.

— Ни слова правды в тебе нет! — со смехом отчитала его бабушка.

Немного пошутив, она снова повернулась к Чжоу Шэну:

— Кстати, хоть я уже в возрасте, но не могу просто так брать у тебя вещи. Посмотри, что тебе нравится в этом доме, я подарю тебе в ответ.

Комнату окружали окна с резными рамами, и любая безделушка здесь стояла целое состояние. Чжоу Шэн, разумеется, не собирался ничего брать. Однако его взгляд упал на предмет, стоявший на верхней полке стеллажа.

Чу Циньбай проследил за его взглядом и сказал:

— Хороший вкус. Это пятицветный фарфор эпохи Мин.

Чжоу Шэн покачал головой:

— Нет, я не об этом.

Чу Циньбай:

— Думаешь, подделка?

— Конечно, нет, — Чжоу Шэн отвел взгляд. — Я хотел сказать, что не возьму вещь, но хотел бы узнать, где можно приобрести нечто подобное. Мне нужно для подарка.

Чу Циньбай нахмурился:

— Ты вообще понимаешь, что такое антиквариат?

Чжоу Шэн сердито посмотрел на него:

— Я что, по-твоему, совсем безмозглый?

Чу Циньбай кивнул:

— Точно. Ты сам больше похож на антиквариат, чем та ваза. Человек, которому жалко денег на такси, вдруг разбрасывается фарфором эпохи Мин — мне даже интересно, кто удостоился такой щедрости.

Чжоу Шэн не стал опускаться до спора.

Он начал собирать кисти со стола и честно ответил:

— Ты его знаешь.

— Я знаю?

Чжоу Шэн:

— Президент Шэньюй, твой брат, Чу Сюймин.

Чу Циньбаю хватило одного мгновения, чтобы понять причину.

Он решил взять назад свои слова о том, что у семьи Чжоу плохо со зрением.

Глядя на то, как Чжоу Шэн сосредоточенно моет кисти, Чу Циньбай сказал:

— Он никогда не берет взятку.

— Господин Чу, — Чжоу Шэн остановился и поднял голову, — в этом мире существует понятие

подарка при знакомстве. Попытка расположить к себе — это плюс, но сотрудничество возможно только потому, что оно выгодно обеим сторонам, а не из-за подарков. Пожалуйста, не используй такие грязные слова, как взятка.

Чу Циньбай смотрел на него пару секунд, а затем усмехнулся:

— А у тебя характер не сахар. Разве не взятка — это грязно?

Чжоу Шэн обошел стол, повесил кисть на место и удовлетворенно кивнул:

— Ну да, куда мне до опыта господина Чу, который столько лет возвращается в шоу-бизнесе.

Чу Циньбай уперся руками в стол и наклонился, сокращая дистанцию:

— Ты теперь любишь меня подкалывать, да?

— Я хвалю твой богатый опыт, — Чжоу Шэн поднял глаза с легким упреком. — Как же ты, однако, не ценишь доброго отношения.

<http://bllate.org/book/19123/1878034>